

Ковалевский Е.П.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ

A large, stylized handwritten signature in black ink, reading "Ковалевский" (Kovalevsky), is written diagonally across the lower half of the cover.

Собрание
Сочинений
Том 2

Егор Ковалевский

Собрание сочинений.
Том 2. Путешествие во
внутреннюю Африку

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

1849

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 2. Путешествие во внутреннюю Африку
/ Е. П. Ковалевский — «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 1849

ISBN 978-5-9500068-2-1

Во второй том настоящего собрания сочинений Ковалевского Е.П., дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, вошел очерк по итогам его экспедиции в Африку, впервые опубликованный в 1849 году. Дополняющие издание архивные материалы, в том числе записка «О добыче золота в России», составленная Е.П.Ковалевским для паши Египта Мухаммеда Али, и «Отчет о золотосодержащих розсыпях восточного Судана, находящихся во владениях Вице-Короля Египетского» египетских инженеров, обучавшихся на уральских заводах под руководством Егора Петровича, публикуются впервые. Книгу оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-2-1

© Ковалевский Е. П., 1849
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 1849

Содержание

От издателя	6
Путешествие во внутреннюю Африку	8
Часть I. Египет и Нубия	10
Глава I. Александрия	11
Глава II. Первое впечатление, произведенное видом пустынь. Нил и Каир	18
Глава III. Мегемед-Али и пирамиды	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Егор Петрович Ковалевский
Собрание сочинений. Том 2.
Путешествие во внутреннюю Африку

© ООО «Приятная компания», 2017

* * *

От издателя

Второй том настоящего Собрания сочинений Ковалевского Егора Петровича, дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, печатается по изданию 1849 года «Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского, автора «Странствователя по суше и морям» и проч.».

Очерк, в котором автор подробно описывает экспедицию, организованную по настоятельной просьбе египетского паши Мухаммеда Али с целью «устройства и разработки золотоносных россыпей, открытых в Верхнем Египте» [2], дополнен интереснейшими архивными материалами, характеризующими развитие золотодобычи в Российской империи и в Египте.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и имена собственные оставлены в тексте в написании предыдущего издания с сохранением всех встречающихся вариантов.

Примечания настоящего издания выделены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, Фесик Вероники Владимировны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Библиографический список:

1. Библиографическая хроника // Отечественные записки. – 1849. – Т. 64, № 5, отд. VI.-С. 1-25.
2. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. – М.: ГЕОГРАФГИЗ, 1956. – 200 с.
3. Ковалевский Е. П. Путешествие во Внутреннюю Африку с рисунками и картой, ч. I и II. – СПб., 1849.
4. Ковалевский Е. П. Путешествие во Внутреннюю Африку с рисунками и картой. Собрание сочинений – СПб., 1872. – Том 5.



Е. П. Ковалевский.

Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского (Автора «Странствователя по суше и морям» и проч.)

*τον δε Νεῖλον τὰς πηγὰς οὐδεὶς ὑπέσχετο εἶδέναι,
εἰ μὴ ἐν Αἰγύπτῳ ἐν Σαῖ πόλι ὁ γραμματιστὴς
των ἱερῶν χρημάτων τῆς Ἀθηναίης.
οὗτος δ' ἐμοίγε παῖζειν ἐδόκεε, φάμενος εἶδέναι ἀτρεκέως.*

*«Никто ничего не знал об источниках Нила, кроме хранителя
священных вещей в храме Минервы в Саусе, в Египте, но и тот, кажется,
шутит, говоря, что знает определенительно.»
Геродот кн. II. 28.*

*##### ## ##### #####
«Источники Нила в раю».*

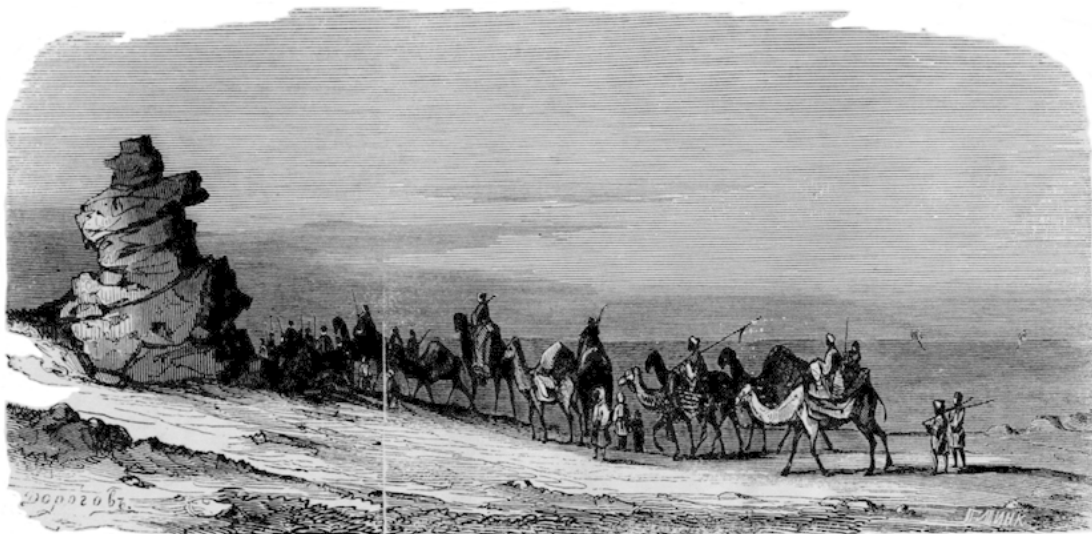
В то время, когда читатель примется за эту книгу, я буду далеко отсюда. На этот раз пребывание мое в Петербурге было непродолжительное, и я не успел обработать, как бы хотел, некоторые предметы в издаваемой мною книге, как, например, о происхождении разных племен, населяющих Египет, Нубию и Судан, и оставил неизданным путешествие свое по Сирии и Палестине. Кто знает трудности иллюстрированного издания у нас, тот удивится, как я мог издать свою книгу в таком виде в это короткое время.

Марта, 10 д. 1849 года. С. Петербург.



Виньетка: Фонтан в Константинополе, рис. Дорогов, рез. на дереве барон Клот.

Часть I. Египет и Нубия



Караван в Большой Нубийской пустыне, рис. Дорогов, рез. Линк.

Глава I. Александрия

Путешественники, достигающие Александрии, с грустью глядят на песчаные берега Африки. Подобно идо, солдаты Наполеона приходили в уныние, высаживаясь на пустынную землю Египта. Еще прежде солдат Наполеона, войско Камбиза восставало против своих полководцев, приведших его в эту раскаленную зноем страну, и еще прежде рабы Фараонов проклинали землю, на которой строили пирамиды, – пирамиды, пережившие столько разрушительных веков и столько громких слав.



Вид Александрии (буква П), рис. Тим, рез. Бернардский.

Александрия не произвела на меня особенного впечатления. Вид пальм, чудно рисовавшихся на ярком горизонте, был для меня не нов: я приехал из Родосса; низменный, песчаный берег слишком обыкновенен для глаз, которые привыкли к нашим болотным берегам и даже иногда с любовью глядят на них; город же сам по себе имеет весьма приличный вид даже для запада, не только для востока. С старого порта, где остановился наш пароход, Александрия особенно хороша. Налево – дворец паши, гарем, сад, маяк; против нас прекрасное строение арсенала, красивые дома, крепость, еще сады; только с правой стороны песчаная коса, далеко

выдававшаяся в море, предвещает о пустынях, страшных для путника; лачуги, расплзшиеся по ней неприятно возмущают взоры, а множество ветряных мельниц своими распростертыми крыльями так кажется и хотят оттолкнуть каждого отсюда.

Порт превосходный; к тому же единственный вдоль всего африканского берега, начиная от Туниса до Александрии. С противоположной стороны находится новый порт, почти недоступный для больших судов; но старый так велик, что может вместить в себя флот всей Европы.

Основание Александрии, как и основание Константинополя, сопровождалось чудом. На востоке ни на шаг без чуда; в этом отношении время не изменило нравов. Александр Македонский был поражен выгодным положением Рокотоса, небольшого селения: уснувши с мыслью о всемирном торговом городе, из которого бы имя его удобнее разносилось во все концы вселенной, он увидел облитого светом и пламенем старика (Константину великому явилась старуха), который пророческим голосом, стихами любимой Александром великим Одиссеи, указал место для подобного города: это было именно селение Рокотос. На другой же день принялся он с ученым Динакрисом чертить план города, который и поныне носит его имя, хотя древнего города Александра давно не существует.

Странно: люди никак не хотят признать гения в деле, на которое не хватило бы их самих. Для объяснения великого подвига, они готовы сочинить сказку, признать влияние случая, неизбежность судьбы, только не превосходство человека. Но Наполеон понял гений Александра; величайший из завоевателей, он сказал, что Александр нашел себе больше славы в сооружении Александрии, чем во всех своих завоеваниях. Жаль, что эта прекрасная мысль пришла несколько поздно Наполеону. Пораженный, подобно древнему герою Греции, выгодностью положения города на рубеже Азии и Африки, в виду Европы, он не сомневался в том, что Александрия может служить столицей мира; к этому надо прибавить – в руках такого полководца, как Наполеон, потому что Александрия не имеет природной защиты, и неприятель может взять и брал ее без больших затруднений с суши и моря. Это не то что Константинополь. У этого Босфор и Дарданеллы, простертые подобно двум могучим рукам к северу и югу для соединения их на мир и торговлю, подобно двум могучим рукам всегда готовы на защиту его.

Только в Александрии узнали мы, что по случаю открывшейся в Константинополе холеры, все приезжающие сюда должны выдерживать десятидневный карантин. Можно вообразить, каково это известие пришлось нам, имевшим столько поводов торопиться к своей цели. Нас отделили от других пассажиров и повезли в маленький дворец, занимаемый Ибрагим-пашей во время пребывания его в Александрии, где вскоре мы остались одни-одинехоньки.

Из обширной крестообразной залы выходили окна на все четыре стороны; отовсюду видно было тихое море и прозрачное небо с ярко-алым горизонтом, с которого только что скатилось солнце, – небо, какого мне давно не случалось видеть. Ночь упала внезапно, и несмотря на то, что небо покрылось мириадами звезд, была темна. Глухо отдавались шаги мои на мраморном полу пустынного, тускло-освещенного дворца...

Александрия! Египет!.. Есть над чем призадуматься. Александрия, откуда греки черпали образование, мудрость, религию, верования, завещая их свету. Египет, земля полная библейских подвигов, облитая кровью первых мучеников, принявшая из первых уст завет христианского учения... Земля Нила и пирамид, земля вечного, неистощимого и неувядаемого произрастания!.. Сколько воспоминаний, сколько ожиданий, из которых, увы, многим не суждено было осуществиться! Верования детства, – самые светлые, радужные верования! Счастлив тот, кто с ними пройдет всю жизнь и у кого горький опыт не потушит их на пути, заменив иным светочем, представляющим предметы и людей уже в другом виде!..

Мы были приняты с редким радушием и гостеприимством. Несмотря на то, заточение наше становилось все тяжелей и тяжелей, и когда настал день освобождения, мы до рассвета отправились в город.

Александрия, во время Плиния, заключала в себе 600.000 жителей, из которых 300.000 было граждан и 300.000 рабов. Амру, взявший Александрию, донес Омару, что в городе находится 4.000 дворцов, 4.000 бань, 400 театров и 12.000 магазинов. Во время экспедиции Наполеона в Египет, Александрия представляла развалины, служившие убежищем пиратов; в ней было, однако, до 8.000 жителей. Наполеон ничего не успел сделать для города, кроме некоторых укреплений. Мегемет-Али нашел Александрию в самом жалком положении: в ней едва оставалось четыре или пять тысяч жителей. Наученный опытом еще недавней высадки англичан на берега (1807 г.), паша поспешил возобновить древнюю стену, построенную преемниками Саладина для защиты города от крестоносцев, и сделал новые укрепления: это было первой его работой; потом уже взялся он за город, на который обратили внимание света Александр и Наполеон!

Нынче Александрия не только снаружи, но и внутри имеет вид европейского города с темным колоритом востока, который не совсем пристал к ней. Город чист и опрятен, как большая часть городов в Египте, что особенно кидается в глаза путешественника, после городов турецких. Вот что было первоначальной, побудительной к тому причиной. Мегемет-Али, не привыкший к противодействию, испытывал беспрестанные поражения от чумы, с которой вступил в самую отчаянную борьбу; напрасно он окружал карантинной линией не только береговые места, но и внутреннюю часть своих владений, населял их европейскими докторами и смотрителями, принимал самые строгие меры, – чума не переставала появляться время от времени в Египте, собирая обильную жатву смерти. Наконец, не помню, кто из европейцев надоумил его; применяясь к нравам востока вообще и к характеру Мегемет-Али особенно, он высказал ему свои предложения в виде известной басни о пастухе, который, засадив своих овец за плотную ограду, сам встал у ворот и караулил их день и ночь, между тем овцы все гибли да гибли, потому что волк забрался в овчарню прежде еще, чем пастух встал на стражу.

– Так что ж тут делать? – спросил Мегемет-Али: оставить волка, пока он самого пастуха не задушит!

– Нет, надо разрушить до основания его логовище.

– А где оно?

– В той нечистоте, которой завалены улицы всех городов до того, что по ним пройти нельзя.

Этого было довольно, чтобы Мегемет-Али принялся за дело со всей, ему одному свойственной, энергией. С тех пор города, каковы бы они ни были, не только вычищены, выметены, но даже политы каждый день водой, и чума, в добрый час сказать, не появлялась уже около десяти лет в Египет!

До нынешнего года в Александрии считали 80.000 жителей; но по ревизии, которая приходит к концу во всем Египте и даст нам возможность представить верные сведения о населении страны, по этой ревизии оказалось в Александрии 145.000.

В городе есть площадь, довольно обширная; посередине фонтан без воды, правда, но к этим странностям надо привыкать на востоке; фонтан очень красив. На площадь выходят дома европейских генеральных консулов, – собственные, казенные или нанятые у Ибрагим-паши, потому что одна сторона площади занята почти вся его домами, дома богатых купцов, построенные в итальянском вкусе, несколько магазинов, гостиниц и кофеен. Надо заметить, что консулы и богатые купцы составляют аристократию на востоке.

Эта площадь напоминает площади итальянских городов: та же толпа народа, вечно движущаяся, суетливая, те же костюмы, тот же язык, то же энергическое, судорожное движение у гуляющих и разговаривающих, которое очень похоже на пугливую суету мелких животных перед наступлением бури.

Мы зашли к обязательному Т, остававшемуся поверенным нашего генерального консульства, по случаю пребывания его в Каире, где находился и двор паши; вместе с Т. отправились

мы к Артими-бею. Артими-бей – министр иностранных дел и коммерции в Египте; последнее звание заставляет его жить постоянно в Александрии. Он родом армянин, воспитывался во Франции и очень хорошо образован; заменив, по месту, известного Богос-бея, бывшего столько лет сподвижником и самым близким человеком Мегемет-Али, Артими-бей умел также снискать доверенность старого вице-короля, который не слишком легко поддается новым людям.

Восток в Александрии надо искать на базарах: тут пестро, тесно, темно, таинственно, как в сказках тысячи и одной ночи. Вас поразит тяжелая одежда женщин: они, в полном смысле слова, закутаны в черные атласные хабры, и в черное покрывало, тарха; кроме того, боргу спускается на лицо, через переносье, в виде треугольника, черной же материи. Нос кажется вдавленным; драпировки никакой; женщина не может управлять покрывалом, которое лежит на ней, как тяжелое бремя супружеского запрета. В Константинополе совсем иначе. Легкое, белоснежное, оно окутывает грациозно ее голову и лицо; придерживаемое снизу руками, оно слегка открывается, будто по невольному движению, и вы часто видите, кроме черных агатовых глаз, матовой белизны щеки и чрезвычайно правильный нос. Дурные женщины гордятся тем, что никогда не нарушают завета Магоммета, и хорошо делают, какова бы ни была причина такого поведения.

Загородные дома, утопающие в садах, прекрасны, особенно вдоль канала Махмудие; не далеко от них, на холме, возвышается величественная колонна, украшенная капителью составного ордена. Не стану распространяться, кому именно посвящена эта колонна, известная под именем Помпеевой; ему ли, Диоклициану, которого имя находится вверху, или основателю Александрии, как полагают другие; замечу только, что гробница Александра была не здесь, как утверждают многие, и не над его могилой стояла эта колонна. Тут были царские чертоги, храмы, может быть даже храм Сераписа и жилище жрецов. Тело Александра, как известно, было перевезено в царственный его город Птоломеем I в гробнице из чистого золота.

Птоломеем Коклесу понадобилось золото, и он переселил великого завоевателя из золотого в хрустальный гроб, находившийся в противоположном конце города. Мы посвятим этому предмету особую статью, в которой постараемся подтвердить свои слова.

Иные говорят, что первоначальная форма этой и многих подобных ей колонн заимствована от кипариса, другие поэтически объясняют сказание древних о сжатых листьях лотоса, принимая их за первообраз капители; по моему мнению, колонна с капителями возродилась в подражание пальмы с ее распавшейся верхушкой, а минарет – в подражание кипарису. Первая колонна поставлена в стране пальм, минарет – в стране кипарисов.

У набережной новой гавани, возле ворот, находятся два обелиска; оба они вывезены из Мемфиса греками во время владычества их в Египте. Один стоит на подточенном цоколе, другой лежит в пыли; но тот и другой немало пострадали; на одной стороне стоящего обелиска все почти иероглифы изгладились; говорят, будто его избивало песком во время хамсима, который дует в апреле и мае: трудно поверить, не испытав на себе действия этого ветра; мне предстоит это впереди. Иероглифы с других сторон, и особенно с противоположной, сохранились совершенно: они очень красивы.

Обелиск известен под именем Клеопатриной иглы.

Оба монолита подарены Мегеметом-Али, один Франции, другой Англии; но как ни великолепны они, ни та, ни другая по сю пору не увезли их, потому что перевозка чрезвычайно дорога.

Вид от этих обелисков с набережной на море, на город, живой и мертвый, некрополис, – этот вид чрезвычайно хорош и вы забываете, что за вами лачуги солдатских жен и полунагие дети, вопиющие о бакшише, милостыне.

В Александрии, или правильнее за Александрией, есть катакомбы: если путешественник не затеряется и не задохнется в них, то будет очень доволен, когда выйдет на белый свет и

вдохнет в себя чистый воздух. Есть еще так называемые клеопатрины бани; но почему эти лазейки названы банями, и даже клеопатринными банями, – этого я уже не знаю.

Общественной жизни в Александрии, как и на всем востоке, нет. Театр есть, но плох и не посещается хорошим обществом; два три дома радушно открыты для путешественников.

Теперь вы знаете нынешнюю Александрию, и даже может быть знаете с лучшей ее стороны. Обратимся за 2132 года назад и посмотрим, чем она была тогда? Я не стану вам описывать ее зданий, ее памятников; эти мертвые знаки не так ясны, не так понятно говорят душе, как сама жизнь, внутренняя жизнь города.

В Александрии торжество: Птоломей Сотер объявляет своего сына, Птоломея Филархельфа, соправителем. Они уже в павильоне, который нарочно для этого построен, в павильоне, сияющем золотом, серебром, тканями Персии и Индии, драгоценными и редкими камнями всех стран. Наконец, двинулась и сама процессия. В голове идут знаменщики различных корпораций. За ними греческие жрецы в порядке своей иерархии; это празднество было, по преимуществу греческое и выражало собой главнейший миф Бахуса, а потому жрецов было бесчисленное множество, все в богатых колесницах, представляя различные сцены из жизни этого бога.

За ними следовала колесница на четырех колесах, везомая шестьюдесятью людьми; на ней была огромная статуя города Низы, одетая в желтую тунику, шитую золотом; сверху – лаконийский плащ. В левой руке она держала жезл; голова украшалась листьями плюща и винограда из чистого золота с драгоценными камнями. Движимая хитрым механизмом, статуя вставала сама, лила из полной чаши молоко и опять садилась.

За этой статуей сто человек везли колесницу, на которой лежал пресс. Шестьдесят сатиров, под начальством Силена, при звуках песен и флейт, давили виноград, и ручей сладкого вина лился по следам их во всю дорогу.

Далее, целое отделение с вазами, урнами, различными принадлежностями служения жрецов, треножниками, посудой, кухней и проч. – все из чистого золота, превосходной работы и необыкновенной цены. Мы пропускаем исчисление всех этих вещей, величины и весу каждой из них.

Тысяча шестьсот детей, одетых в белые туники, с венками на головах, следовали за этими драгоценностями, неся различные золотые и серебряные сосуды и кувшины для вина.

Нельзя не упомянуть об огромной клетке, которую везли пятьсот человек. Из нее беспрестанно вылетали голуби и горлицы, обвитые длинными лентами, за которые зрители ловили их. С самой же колесницы били два фонтана, один молочный, другой винный. Нимфы, с золотыми коронами на головах, окружали ее.

Особенная колесница везла вещи, употреблявшиеся Бахусом, на обратном его пути из Индии. Сама статуя Бахуса, огромного размера, вся в пурпуре, с золотым венком на голове, в золотой обуви, ехала на разукрашенном слоне. Перед нею, на шее слона, сидел Сатир. 120 сатиров и 120 девочек с золотыми коронами на головах шли впереди, позади – 500 девочек в пурпурных туниках, опоясанных золотыми шнурками, а за этой невинной свитой Бахуса, толпились на ослах силены и сатиры в золотых коронах; ослы также были разукрашены золотом и серебром. Далее, двадцать четыре колесницы, запряженные слонами, шестьдесят – козлами и множество других – различными животными, оленями, дикими ослами, наконец, страусами; на них сидели дети в туниках; при каждом было дитя в виде ассистента, с мечом и копьем в руке, в шитом золотом платье.

Потом медленно двигались колесницы, запряженные верблюдами, наконец, мулами; на них были неприятельские палатки, а в палатках – женщины из Индии, одетые как невольницы. Далее везли различные ароматы, ладан, ирис, шафран, кассию и проч. Возле них шли эфиопские невольники с различными подарками, слоновой костью, эбеновым деревом, золотым песком и проч. За ними охотники, в золоте; они вели 2400 собак различных пород; до 150 человек

несли огромные деревья, с которых висели различные звери и птицы: фазаны, пентады, попугаи, павлины и проч. После многих других отделений, гнали различных пород быков и баранов, предназначенных, разумеется, для пищи народа, вели леопардов, пантер, тигров, львов, белого медведя и проч.

Богато одетые женщины, носившие имена Ионии и других греческих городов, и хор из 600 человек, с золотыми коронами на головах, сопровождали колесницу с огромным храмом из чистого золота, окруженную статуями и животными; 3.200 золотых корон, между которыми отличалась корона, посвященная таинствам, украшенная драгоценными камнями, множество золота в оружии и принадлежностях одежды, два бассейна из чистого золота, кувшины, чаши, проч. везлись на особых колесницах.

Наконец, все шествие заключали войска, состоявшие из 57.600 пехоты и 23.200 конницы, великолепно одетой.

Коликсен Родосский присовокупляет, что он описал только драгоценнейшие принадлежности этой процессии, пропустив многое другое, по его мнению, менее значительное. Я, в свою очередь, сократил описание правдивого историка.

Древние писатели с удивлением восклицают: могли ли когда другие города, Персеполь, Вавилон, во время их славы, или земли, орошаемые благословенным Патроклом представить подобные богатства? Конечно, нет! Один Египет в состоянии был это сделать.

Я оканчивал эту выписку, когда хлопанье бича раздалось на улице и заставило меня взглянуть в окно. Скороход бежал, размахивая бичом направо и налево, задевая нередко полунгагих пешеходов. За ним следовала небольшая венская кабриолетка, которая остановилась у моего подъезда. Вскоре вошел человек, весьма просто одетый, с тарбушом на голове: это был министр иностранных дел и коммерции, первый министр нынешнего правителя Египта, Артим-бей, захвативший проститься с нами.

Глава II. Первое впечатление, произведенное видом пустынь. Нил и Каир

До пристани отправились мы в экипажах. Загородные дома, сады, обдававшие нас надупленной цветом жасминовых и лимонных деревьев мягкой, влажной, сладострастной атмосферой, яркая зелень, которую можно видеть здесь только зимой, сам канал Махмудие, полный водою, потом движение народа по набережной, многочисленного и разряженного по случаю праздника, ряд экипажей, довольно щегольских, из которых выглядывали фигуры в разнородных костюмах, словно во время карнавала в итальянском городе, – все это оставляло впечатление довольно приятное на прощанье с Александрией.

Мы поместились на маленьком пароходе, который буксировал барку с нашими неразлучными спутниками Мустафой-беем, вторым сыном Ибрагим-паши и его многочисленной свитой. Через четверть часа плавания, вид совершенно изменился: пустыня песков слилась с пустыней вод озера Мареотийского (Бахр-эль-Мариут), такого же унылого, такого печального как она.

Все было мертво кругом. Сам горизонт, на котором угасали лучи закатившегося солнца, горизонт бледный, безжизненный, казался только продолжением пустыни, а потому не видно было и конца ее. Переход от жизни к смерти разителен. Эта пустыня сопутствовала нас до самого Нила, и там еще оставалась верной самой себе в целом, и изменялась только в частностях.

Канал Махмудие соединяет Александрию с Нилом на пространстве 25 лье. Он вырыт Мегеметом-Али в первые годы его правления; стоил многих миллионов рублей и до 30 т. человек, погибших при работах. Думали только о том, как бы скорее окончить канал; иногда нагоняли до 300.000 рабочих за раз, которые, говоря буквально, когтями рыли землю и выносили ее горстями; все это толпилось на тесном пространстве, в душной, пыльной атмосфере, давило друг друга обрывами берегов, ведя неправильные работы, гибло от голода и глазных болезней, и без того свирепствующих в стране; к этому забросьте сюда хоть на неделю чуму, и вы увидите, какую жатву соберет она. Зато в 10 месяцев канал был окончен. Следы этой поспешности заметны и теперь: канал крив и кос; видно, что работали вдруг на нескольких пунктах без предварительных соображений. До них ли было! Когда у Мегемет-Али зарождалась какая мысль, она не давала ему покоя и как кошмар мучила его и днем и ночью, пока, наконец, не осуществлялась, большей частью удачная и полезная, или совсем не распадалась, за невозможностью в исполнении; но до такого убеждения Мегемет-Али доходил только после всевозможных попыток и усилий, иногда дорого обходившихся ему. Это натура, не знающая для себя преград.

Близ Атфе кончается канал; тут ожидал нас большой пароход, который плавает по Нилу. Было темно; шел частый мелкий дождик, что здесь большая редкость. В Атфе, где давно уже все спало, вдруг замелькали огоньки и потянулись по направлению к нам. Вскоре раздался крик и шум, потом целая толпа полунагих людей, гонимая курбачем, нахлынула на пароход и завладела нашими вещами: мы ровно ничего не понимали; толпа отхлынула, оставив нас в совершенной темноте, на опустошенном ею пароходе. Положение наше было очень жалким.

– Этак, они все раскрадут, – сказал в отчаянии один из наших людей.

– Не думаю, – отвечал кто-то из-за меня, довольно чисто по-русски, – арабы, правда, первые мошенники в свете, но они как огня боятся Мегемет-Али.

– Вы русский, – спросил я, не обращая внимания на его не слишком успокоительные слова и рад-радехонек, что нашел человека, который не только понимает меня, но еще берет труд отвечать.

– Я... служу здесь... для порядка, при отправлении пассажирских вещей.

– Хорош порядок, – подумал я. – Как же вы не заведете такого порядка, как в Европе?

– Пробовал было.

– Что же?

– Вышло хуже; чуть место не потерял; так я уже и оставил по-прежнему: ничего, идет.

Затем он вызвался проводить нас к пароходу, что стоял на Ниле. Уж он нас водил, водил, по переулкам, лестничкам, над обрывами берегов; кажется, ему хотелось договорить свою историю, но мне было не до нее: я едва успевал идти за его длинной фигурой; закутанная в широкий бурнус, она представляла странные, фантастические формы, то ложась бесконечной тенью на воде, то полусисчезая в темноте узких улиц. При том же, я так привык к похождениям этих авантюристов, что наперед знаю их историю, и то, что они станут о себе рассказывать, рисуясь перед вами жертвами неумолимого рока, и то, что они вам не доскажут из любви к себе и уважения к вам.

Приближаясь к пароходу, мы услышали страшные ругательства на французском языке с примесью арабского, и вскоре открыли особу, изрыгавшую их: она стояла над грудой разбросанных вещей и, увидя нашего проводника, который робко жался за нами, вскинулась на него.

Ясно было, что француз был здесь распорядителем. – Где наши вещи? – спросил я его.

– До ваших мне вещей! Сейчас будет индийская почта; ступайте скорее, не то пароход отойдет без вас; вещи после найдете.

Не доставало только того, чтобы пароход, назначенный, собственно, для моего переезда, отправился без меня! Впрочем, чего доброго: слово, индийская почта, имеет здесь магическое действие, и не мудрено, если для ее парохода прогонят наш из пристани. Англичане и здесь умели поставить себя на твердую ногу.

А дождь все шел. Я уже заботился не о вещах, а о том, куда бы приютить самого себя на ночь: в каютах все было занято; я опять к французу, который одной ногой стоял на сходах парохода, приказывая отваливать, но на этот раз предъявил ему права свои.

– Послушайте, – сказал он дружелюбно, узнавши, что пароход был в моем распоряжении, – тут никто не признает прав другого; сила все берет. Ступайте в любую комнату, прикрикните построже на тех, кто ее занял, в случае нужды, погрозите кулаком, так они увидят, что вы точно имеете право и очистят для вас комнату.

Ну, подумал я, тут видно порядки другого рода: дай испытаю средств француза, и попытка на первый раз удалась совершенно.

Пароход уже давно несся, по египетскому обычаю, сломя шею, спотыкаясь беспрестанно на мели и не редко задевая за берега. Было за полночь, но я не мог уснуть. Мысль, что я на Ниле, боготворимом некогда Ниле, которого неразгаданные простыми смертными таинства, жрецы Египта передали грекам, а те, преобразив их по своему обыкновению в поэтические образы, завещали нам, – эта мысль не давала мне покоя. Мечты детства бились в груди моей; увы! этим мечтам, которых не в силах была задушить мятежная жизнь, суждено было разрушиться самим собой, при виде нагой сущности.

Я поднялся до солнечного восхода. Нил тек тихо, величаво. Мы уже вышли из розетской его ветви, и Нил был в полной широте своей, почти вдвое шире Невы, как она у Исакиевского моста. Берега пологи, унылы; ряды пальм стоят единообразно, как частокол, отороченный иглами. Если где и мелькнет из-за них деревня, то такая, что лучше бы ее вовсе было не видно. Вдали тянется гряда гор, темная, избитая, нагая, полузанесенная песком. Так вот этот Нил! – подумал я. Впрочем, есть предметы, как и лица, в которые чем более всматриваешься, чем более изучаешь их, тем более находишь красоты и глубокого значения. Может быть таков и Нил, и уже без сомнения не везде одинаков, на пространстве слишком трех тысяч верст, которые мы проследим с вами, читатель, если у вас достанет на то терпения, вы, – в покойных креслах, в прохладной комнате, и даже в постели, я – то на воде, то на верблюде, то пешком, то на осле: в зной 45 градусов по Реомюру, но все-таки мне не хуже вашего: я буду видеть живую природу, вы будете читать мертвое слово.

Мы с намерением прошли молчаньем гигантские работы устройства шлюзов на Ниле, у соединения рукавов его; они требуют подробного и продолжительного исследования и мы займемся ими на обратном пути. Здесь, кстати, заметить, с какой легкостью и самоубеждением путешественники произносят приговор о людях и вещах. Князь Пюклер-Мускау, выписывает из сочинения Клот-бея (разумеется, не упоминая о нем) описание проекта шлюзов на Ниле инженера Линан-бея, утверждая, что работы производятся под надзором его. Клот-бей был прав, потому что в то время, когда печаталась его книга, работы действительно производились Линан-беем и по его плану; но когда путешествовал в Египете Пюклер-Мускау, тогда эти работы были брошены и принят новый проект Мюжо, основанный на других началах, и определявший для устройства шлюзов другое место.

Поздно вечером, того же дня, мы пристали у дворца Ибрагим-паши. Вид на Каир, утопавший в сумерках и яркой зелени садов – живописен. Мы переночевали на пароходе и на другой день утром отправились в город.

Каир остается теперь единственным типическим городом магометанского востока, не нынешнего востока, пресмыкающегося в невежестве или рабстве, но прежнего, времен его славы, времен калифов. Посмотрите, как хороша, величава во всей изящной простоте своей эта мечеть, как легки, воздушны, грациозны минареты! Высоко встают они от земли и будто собственною волею стремятся один за другим все выше и выше в небо; не успеешь следить за ними, не успеешь уловить их взором; а эти резные, точеные балконы, обвитые, словно кружевом, тоненькою решеткою, а окна филиграновой работы, в которых вполне разыгралась фантазия востока, а улицы, крытые где полотном, где деревом: в них и в самый полдень вы защищены от солнца; а ночью, ночью как таинственны эти улицы! Верись, что приключения тысячи и одной ночи могли в них случаться. Да, Каир сильно поражает на первый раз путешественника, настроенного к чудесному, утомленного единообразным видом городов нашей положительной Европы. Но, увы! Мечети и минареты разрушаются, никем не поддерживаемые; дома ломают, чтобы расширить улицы, или поставят, вместо старых, другие, в левантском вкусе, составляющем безобразную смесь европейской и восточной архитектуры. Может быть, от этого, Каир и выигрывает в одном отношении, хотя, конечно, не столько как Александрия, увлекшая его своим примером, – Александрия, которая из грязной деревушки превратилась в обширный полуевропейский город, но уже конечно не выигрывает ни в отношении архитектуры, ни в отношении поэзии. Скажут, кто нынче об этом думает? Нужно одно полезное, существенное, положительное: правильные, широкие улицы дают простор воздуху, облегчают сообщение, приучают к порядку, – замечание очень благоразумное; но ужели вы думаете, что и прежде не рассуждали также благоразумно, и что люди, еще носившие в душе воспоминание о беспредельных пустынях, не заботились о просторе? Дело в том, что на этих широких, открытых улицах вас сожжет полуденное солнце; вот чего очень благоразумно избегали все города юга средних времен, устраивая у домов висячие балконы, которые составляют род кровли над улицами. Простор любили арабы, простор в доме, расписанном, разрисованном арабесками, раззолоченном, простор на широком дворе, устланном мозаикой, застланном густою зеленью виноградников и фиг, прохладенном вечно бьющим фонтаном: тут может быть и не было нашего комфорта; но была роскошь, нега, пища фантазии, удручаемой житейской заботой. Как бы то ни было, дело в том, что единственный, вполне сохранившийся памятник чисто арабской архитектуры, скоро исчезнет, и дети наши уже принуждены будут изучать ее в рисунках и преданиях.

С напряженным любопытством смотрел я по сторонам: мне казалось, что этот город, столь отличный от других городов, должен и жить иной жизнью, что дух калифов, хотя скорбный и унылый, однако все еще покровительствующий любимому городу, витает над ним: кругом пестро, но вяло; нищета и бедность выказываются острыми углами из под старого, шитого золотом бурнуса...

Засмотревшись вокруг себя, я совсем было наткнулся на странную чету: один – в лохмотьях, безобразный; он колотил в бубен, что было силы, припрыгивая в такт; другой – почти нагой, ревел благим матом.

– Что это такое? – спросил я своего проводника – драгомана.

– Фантазия.

– Что такое?

– Фантазия, – повторил он презрительным тоном, кидая две-три пары на простертый перед нами бубен. – Пускай будет и фантазия, подумал я и последовал его примеру.

Между тем, дикие звуки другой музыки неслись прямо на нас, приближаясь, и мы опять поспешили посторониться, чтобы дать место процессии: впереди шел целый оркестр оглушительной турецкой музыки; за ним, под тяжелым балдахином, поддерживаемым несколькими дюжими носильщиками, двигалось медленно, очень медленно, что-то ведомое, или, правильнее, тащимое, совсем закрытое, совсем незримое, походившее на вешалку, на которой в беспорядке нагромождены всякого рода дорогие материи; затем шла толпа народа, шли какие-то крикуны, и, наконец, на изукрашенной богатой сбруей лошади, ехал, весь убранный в парчу, мальчик лет шести; за ним опять валил народ, опять шум и крик.

– Что это такое? – спросил я.

– Фантазия, – отвечал самодовольно драгоман, продолжая с любопытством глядеть на процессию.

При слове фантазия, я опять было вынул деньги, как человек, понимающий в чем дело, но драгоман отрицательно покачал головой.

– Да что же это наконец такое, ваша фантазия?

– Известное дело – фантазия! – отвечал он тоном глубокого убеждения. Нечего делать, надо было ожидать другого случая или другого человека, который мог бы мне объяснить каирскую фантазию.

– Ее поведут по всему городу, – говорил драгоман, продолжая путь и не обращая ко мне.

– Фантазию?

– Невесту.

– Да где же невеста?

– Разве вы не видите, под балдахином.

А, так эта движущаяся вешалка – невеста! Не она ли и есть фантазия? Однако, из тех уродливых фигур, которых мы прежде встретили: – один нагой, другой в рубищах, – конечно не было невесты, а между тем была фантазия.

Мы шли к нашему консулу. Чтобы сократить путь, драгоман повел меня через какой-то двор, и потом небольшой садик, полный деревьями олеандров и роз в цвету. Я невольно остановился полюбоваться ими.

– Стоит ли смотреть, – сказал мне драгоман, – вот Шубра так сад, а это что? – просто фантазия.

Как, все-таки фантазия! Вот, истинно, самый фантастический город, – подумал я, – и уже не спрашивал о значении слова. Молча продолжали мы путь, и вскоре достигли Эзбекии, где стоял консульский дом.

На площади опять сцена: сцена печальная, тяжелая, возмутительная для души, хотя я не в первый раз вижу ее. Во всеувидение, как осужденная, стояла женщина, едва прикрытая лохмотьями. По чертам и цвету лица легко было догадаться, что это абиссинянка, а по выражению – что это невольница; недалеко от нее, стоял равнодушный к ее участи, беспечный продавец ее. Я поспешил укрыться в доме нашего консула.

Вслед за мной, пришел к консулу египетский чиновник и объявил, что мне приготовили квартиру у Камиль-паши, зятя Мегемет-Али, куда мы и отправились.



Абиссинянка, невольница, рис. Тим, рез. Бернадский.

Дом Камиль-паши расположен как и дворец, в котором мы жили в Александрии, как почти все дома богатых турков: – крестообразная зала и в каждом углу ее по комнате, где две; только комнаты отличались роскошью и даже вкусом убранства. Хозяин встретил меня. Это был тип тех турков чистой крови, если можно так выразиться, которые, по несчастью, нынче совсем переводятся. Манеры его, исполненные благородства, достоинства, внушали невольно к нему уважение; в лице было выражение кротости и покровительства; разговор цветист, вежлив, но без лести. Камиль-паша образован в восточном роде, то есть, кроме турецкого языка, знает прекрасно арабский и персидский, к тому же порядочно говорит по-французски, хотя еще нет года, как начал учиться этому языку. Он теперь пишет историю правления Мегемет-Али, по

поручению своего тестя. Речь, произнесенная последним в собрании своих властей, удивившая всех по новости идей и наделавшая довольно шума, речь, исполненная многих благородных чувств, была написана, разумеется, под влиянием Мегемет-Али, Камиль-пашой, а не Семилем, как многие утверждали.



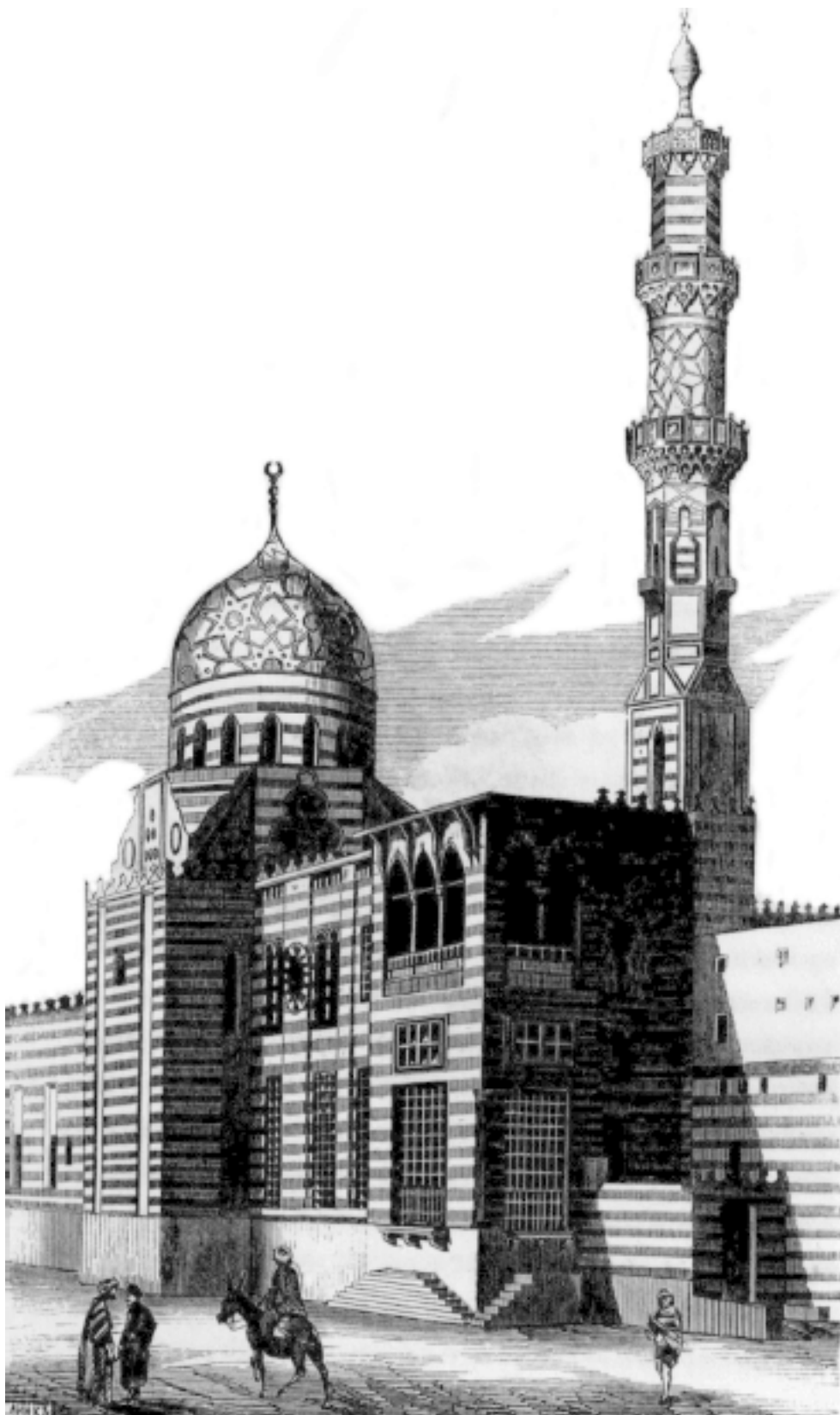
Джеляб, торговец невольниками, рис. Тим, рез. Бернардский.

Глава III. Мегемед-Али и пирамиды

Мегемет-Али пригласил нас в тот же день к себе обедать, – почет, которым он редко кого удостоивает. К завтраку он приглашает часто, иногда даже дам, особенно жену французского консула, Баро, но обедают с ним только люди близкие, турки, большей частью его родственники, всего человек шесть-семь.

Мегемет-Али сидел уже за столом, когда мы вошли в столовую, и после ласкового приветствия, просил нас садиться. На лице его изображалась тяжелая болезнь: это было начало той болезни, которой, увы, суждено было впоследствии так неожиданно, так страшно разразиться: руки его дрожали; он едва мог держать ложку и почти ничего не ел; но голос был тверд, и, перемогая свои недуги, старый паша не переставал быть приветливым хозяином.

С любопытством всматривался я в лицо этого человека, который так долго занимал собой внимание Европы. Его выставляли то гением, то злодеем, но каков бы он ни был, история жизни его, во всяком случае чудная и таинственная, верно не раз заставляла биться сердце читавшего ее. История эта всем известна, и я не стану рассказывать ее подробно; припомню только важнейшие события.



Мечеть в Каире, рис. Соколов, рез. Линк.

Мегемет-Али родился в маленьком приморском городке Румелии, Кавале, в 1769 году, как говорит он сам, но старики из Кавалы утверждают, что ему теперь стукнуло добрых 90 лет. Оставшись сиротой в детских годах, он был призрен одним добрым агой; мальчик полю-

бился аге, который отличил его от прочих домочадцев и выбрал ему довольно богатую невесту. Молодой Мегемет-Али с легкой руки начал торговать табаком, скопил себе маленькое состояньице и строил планы более обширной торговли, как вдруг пришло в Кавалу приказание набрать 300 человек и вместе с другими отправить в Египет, где турки уже воевали против армии Наполеона: Мегемет-Али попал в число этих 300 человек. Он был храбр, в этом все отдают ему справедливость, умен, об этом и говорить нечего, а потому не мудрено, что скоро выставился вперед из среды полудиких албанцев. После абукирской битвы, он уже был произведен в сарешесме (в начальники 1.000), а когда французы покинули Египет, он был послан против мамелюков, в качестве начальника отряда.

Тут начинается для Мегемет-Али тот неверный, тернистый и вместе скользкий путь, по которому властолюбцы идут к своей цели: бездна у ног; один неверный шаг, и гибель неизбежна. Надо однако сказать, что не всегда эти пираты счастья пускаются по нем преднамеренно, со знанием цели: Нет! Иногда случай сталкивает их на эту дорогу, иногда судьба увлекает по ней. Мегемет-Али, рядом побед, интриг, силой несокрушимой воли и гибкого ума дошел до того, что шейхи Каира, выбросившие Кошруда из пашалыка, предложили Египет смелому албанцу. Мегемет-Али последовал общей, весьма странной уловке людей в его положении; несколько времени он ломался, отказывался и, наконец, согласился сделать милость каирским жителям и шейхам, – принял Египет; Порта, несмотря на все свои противодействия, принуждена была утвердить его в звании вице-короля: фирман последовал 9 июля 1805 года.

Проходим молчанием ряд последующих побед его и завоевания Аравии, Сирии, Сенаара, Кордофана. Освобождение святых городов Мекки и Медины из рук мусульманских еретиков, вагабитов, против которых ничего не могли сделать войска султана, доставило ему громкую славу и уважение в мусульманском мире; но, вскоре, потом начинается для Мегемет-Али ряд поражений всякого рода: смерть любимых сыновей Туссуна и Исмаила, ужасное поражение в Греции, частая чума в Египте, наконец, отнятие Сирии и Аравии, и вслед за тем, уничтожение многих монополий, приносивших ему огромный доход, мера, которую он должен был принять против воли. Но старый паша не упал духом, и продолжал по-прежнему дело преобразования в оставшемся ему Египте, в Сенааре и Кордофане: как он переобразовал их, это мы увидим во время своего путешествия, а теперь обратимся к нашему обеду.

Обед был очень хорош и сервирован по-европейски; все торопились есть или пропускали блюда, не прикасаясь к ним, чтобы не утомлять больного продолжительным сидением за столом; француз дворецкий, понимавший общее желание, исполнял свое дело живо; слуги передвигались в совершенной тишине, как тени; только слышна была мерная, внятная, кадансовая речь переводчика, который с главным драгоманом, лицом очень важным в управлении Египта, стоял у стула больного и передавал нам по-французски едва внятные слова его.

Мегемет-Али небольшого роста; съезженный летами и болезнью, он казался миниатюрным, крошечные руки и голова соответствовали всей его фигуре; редкая, белая борода и маленькие усы не скрывали лица, которое некогда было красиво, теперь бледно, покрыто морщинами, но нисколько не неприятно, как это часто бывает у стариков, напротив, внушало уважение и доверенность, а светло-карие, глубоко вдавленные глаза, подвижные, живые, все еще блестящие, как-то странно озаряли эту фантастическую фигуру, свидетельствуя, что жизнь в ней еще бьет ключом и мятежный дух также деятелен теперь, как был двадцать лет тому назад. Только по временам, какое-то страшное вскрикивание, которое, казалось, вырывалось из глубины души больного, неожиданно, без всякого участия его самого, невольно пугало нас; другие привыкли к нему, потому что всякая болезнь вице-короля сопровождалась подобными криками; их не могли истребить ни его твердая воля, ни все усилия врачей. Говорят, это произошло от чрезвычайного нравственного напряжения его во время войны с вагабитами. Окруженный отовсюду сильный неприятелем, угрожаемый своими, из которых многие уже отказались ему повиноваться, он решился на отчаянный подвиг: взять приступом крепость, так сказать,

висевшую над головой и громившую его лагерь; одним этим он мог восстановить упавший дух в оставшемся у него отряде, открыть себе путь во внутрь страны и утратить неприятеля. У него была только горсть людей, и с ней-то, ночью, кинулся он на крепость. Неожиданный успех увенчал дело, и война с вагабитами приняла другой оборот; но возвратившись с поля битвы, Мегемет-Али почувствовал в первый раз эти нервические, судорожные крики, которые, в начале, приводили его в совершенное отчаяние.

За обедом разговор кружился около моей экспедиции. Мегемет-Али хотелось, чтобы я переждал периодические дожди в Каире, и потом уже отправился в Сенаар; он утверждал, что первые дожди в Судане начнутся в будущем месяце (феврале). Мысль, что я должен жить в Каире без всякого дела около полугода, пугала меня; при том же, хотя Мегемет-Али и был однажды за линией периодических дождей, следовательно, мог судить по опыту, однако, я знал от людей бывалых во всякое время года в этих краях, что сильные дожди, хариф, от которых бегут люди и звери, в горах начинаются не ранее мая месяца; я решился объяснить это Мегемет-Али, разумеется, как можно легче. Он сомнительно покачал головой и обратился с вопросом к другим. Многие из находившихся тут были в Судане, но только один, из слуг, решился отвечать, что хотя эфендина совершенно прав и дожди бывают в феврале, однако, большей частью начинаются в мае. Мегемет-Али взглянул на него так, что тот попятился невольно к стене; но тут же объявил, что совершенно согласен отпустить меня, когда я хочу, и что велит немедленно снаряжать экспедицию; только ради моего здоровья желал он оставить меня подольше здесь. И действительно, как я узнал впоследствии, Мегемет-Али, по совету доброго Клотбея, хотел, чтобы мы акклиматизировались в Каире, и сколько поэтому, столько по возникшим неприятельским действиям с Абиссинией, со стороны Сенаара, хотел нас удержать несколько времени при себе, хотя сам нетерпеливо желал поскорее добиться результатов нашей экспедиции, а результатов он ожидал огромных.

– Я приказал генерал-губернатору послать в Фазоглу 10.000 человек для работ на золотых рудниках, – сказал паша, – а если нужно так еще прибавлю столько же.

С удивлением слушал я его. Что мы станем делать с 10.000, думал я, когда еще нет и рудников, не говорю уже о горных людях, которые бы могли руководить всю эту толпу людей; но предупрежденный наперед и видя по опыту, как не любит противоречий старый паша, избалованный своими и европейцами, которые из уважения к его летам и заслугам, из боязни, может быть, во всем соглашались с ним, хотя не всегда поступают по его воле, я на этот раз не противоречил, решившись, однако, при первом свидании объяснить с ним обстоятельней и показать вещи с настоящей точки зрения. – Иншаллах! – сказал я, – дай только Бог, чтобы было золото!

– О, вы непременно найдете и золото, и серебро, и медь: там всего много.

Я хотел было говорить, но обращенные на меня отовсюду умоляющие взоры принудили к молчанию.

После обеда мы ушли в другую комнату, роскошно убранную, разрисованную в восточном вкусе цветами и арабесками, с огромными зеркалами на простенках и с мягкими диванами вдоль двух стен. Мегемет-Али уселся по-турецки в углу дивана, совсем погрузившись в свою шубу; мы сели возле, на покойных креслах; из всех бывших в столовой, один главный драгоман последовал за нами. Напившись кофе и втянув в себя по несколько глотков дыма из огромных, украшенных бриллиантами янтарных мундштуков, мы хотели откланяться, чтобы не утомлять больного.

– Мне скучно; останьтесь, пожалуйста, и будемте о чем-нибудь болтать, – сказал он добродушно.

И стали говорить. Зная его слабую сторону, консул завел разговор о торговле, и Мегемет-Али оживился, увлекся. Мы оставались у него около часа после обеда.

Никогда не забуду я слов его, произнесенных с особенным выражением, как бы пророческим голосом: «нас трое сверстников», – говорил он, – «Луи-Филипп, король французов, Метерних и я; если свернется один из нас, то другие немедленно последуют за ним». Этим словам суждено было слишком скоро осуществиться.

Приготовления к экспедиции шли быстро: Мегемет-Али умел приучить своих подчиненных к подвижности.

Нас собралось в том время человек семь русских, что чрезвычайно редко случается в Каире, и большею частью знакомых с давних времен. Утром ездили мы за город, осматривать или окаменелый *лес*, или пирамиды, или мечети; вечер проводили большею частью у нашего консула. Каждый русский верно вспоминает с благодарностью о том обязательном внимании, о том радушном гостеприимстве, которое оказывали ему наши консулы на востоке.

Вечером являлся к нам почтенный доктор Прюс, член парижской медицинской академии, присланный в Каир для исследования чумы и пользовавший Мегемет-Али и Клот-бей; они говорили, что приходили в русскую колонию, как называли наше общество, отдыхать от трудного дня, проведенного при больном, о котором сообщали нам сведения, не всегда утешительные. Не мы одни, все в Каире находились в каком-то трепетном ожидании конца этой болезни.

Пора, наконец, сказать несколько слов о пирамидах: о них кажется, уже истощены все споры, все восклицания, все прилагательные превосходной степени так, что мне немного остается прибавить.

Пирамиды, когда на них глядишь издали, например, из дворца Мегемет-Али, действительно, поражают своим величием; тем более, что воображение заранее приготовлено к чудесному, но по мере того, как приближаешься к ним, – они сжимаются, мельчают, принимают обыкновенный вид, и, наконец, вам представляется огромная, конусообразная масса обтесанных камней, сложенных один на другой, уступами и выведенных в одну точку вверх. Некогда пирамиды были одеты плитами. Все пространство внутри их выполнено такими же камнями, кроме двух-трех комнат, большею частью расположенных одна над другою, до которых с трудом можно достигнуть, ползком, съезжившись, по темным и низким коридорам, да еще, может быть, нескольких неизведанных подземелий.

Основанием пирамид служит срезанная и сглаженная скала; вход стережет гигантский сфинкс с задумчивой физиономией, избитый временем и, кажется, сокрушающийся о том, что оно не совсем истребило его и допустило быть свидетелем другой эпохи, жалкой эпохи, других событий, невероятных событий для сфинкса фараоновых времен.

До сих пор несправедливо считали пирамиды высочайшим зданием в мире: колокольня в Ревеле, двумя-тремя футами выше их. Исчислено, что если разобрать одну пирамиду, то из камней ее можно склать небольшую стену вокруг всей Франции. Боже мой, сколько труда, сколько поту и крови человеческой пролито и как бы бесполезно! Теперь, самым справедливым мнением считается то, что эти пирамиды служили гробницами фараонов: так вот для какой суетной цели жертвовали тысячами людей! Но пусть лучше за нас говорит сам Геродот, этот поклонник, этот обожатель мудрости жрецов, правдивый Геродот, которого, однако, иногда совращали с пути правды пристрастие и увлечение к предмету. Вот как строились пирамиды.

«Перед начатием работ, Хеопс закрыл храмы и запретил жертвоприношения; все было устремлено к одной цели. Некоторые из египтян были осуждены тесать камни в аравийских горах и доставлять их оттуда к Нилу, другие перевозили эти камни через реку, тащили их из Ливии к месту построек; сто тысяч человек, переменяемых каждые три месяца, были беспрепятственно заняты работами, и десять лет едва были достаточны для того только, чтобы устроить дорогу для перевозки камней... Сооружение самой пирамиды, носящей имя Хеопса, продолжалось 20 лет».

«Чтобы достать денег для этих огромных работ, Хеопс дошел до того, что принудил дочь торговать собою. Мне не сказывали, какую сумму выручила она, – продолжает Геродот, – но уверяют, что вздумавши составить памятник собственно для себя, она потребовала от каждого из своих любовников по камню, и из этих камней соорудила пирамиду¹...».

К этому надо прибавить, что механические пособия не были известны во время фараонов, сколько не толкуют о египетской мудрости; изображения на стенах древних храмов сохранили нам в точности тогдашний способ перевозки камней: тысяча человек, запряженных веревками в полозья, перевозят на себе колонну или камень.

Признаюсь, я смотрел не с восторгом, к которому был подготовлен всеми описаниями путешествий по Египту, но с невольным ужасом на эту громаду, свидетельствующую в течение пяти тысяч лет о тиранстве фараонов. Пускай бы изящные формы, искусство увлекли вас, заставили умолкнуть воспоминание, это другое дело: может быть, я бы и опомнился, впоследствии, от удивления, но уже высказавшись; или я уже так устарел, что не могу восхищаться красотой пирамид! Однако же я засматриваюсь на обломок греческой статуи, на отторгнутую руку или ногу и создаю по ней в своем воображении целое с любовью, как зоолог по одной кости создает давно погибшее с лица земли животное.

Я всходил на самый верх пирамиды, нисходил в глубину ее тайников, везде отыскивал чуда, которым восхищаются путешественники и не найдя его, усталый, воротился домой. Не описываю здесь всех измерений камней, число ступеней, различных входов и выходов в пирамидах, все это, если занимает вас, вы найдете в любом описании *путешествия по Египту*. Не стану также на этот раз описывать других памятников Каира, оставляю их до своего возвращения, а теперь займусь настоящим.

Вице-королю сделалось несколько лучше, и я отправился проститься с ним. Доступ к нему свободен каждому, кто был уже представлен: таков древний обычай востока. Мегемет-Али был все еще слаб, однако, видимо, в хорошем расположении духа, как человек выздоравливающий: ему позволили выйти в приемную комнату и он был окружен посетителями. Усадивши меня возле себя, он расспрашивал о России, о Сибири, шутил, стараясь представить мне настоящее путешествие в приятном виде.

– Здесь, – говорил он, между прочим, – я должен беспрестанно переменять белье от пота, а в Судане едва намокнет оно, как уже и высохло и шелестит будто бумага – крак, крак!

Я ему отвечал, что у нас случается тоже в Сибири: едва намокнет белье и замерзнет, и потом тоже шелестит как бумага – крак, крак! Это замечание долго его тешило.

Тут я увидел, как каждый в свою очередь, хотел развеселить старого пашу, точно балованное дитя: надо, однако, сказать, что Мегемет-Али не употреблял во зло этой всеготовности принести себя на жертву насмешки; он трунил очень кротко, только глаза лукаво мелькали по сторонам, как бы следя за впечатлением других.

Я пробыл у него около двух часов: эта простота обращения, эта заботливость о моем путешествии, обнимавшая самые мелочи, которые даже я забывал, наконец, его замечания, то детски наивные, то исполненные глубокой мысли, самая наружность, изнеможенная, кроткая, внушающая любовь и сострадание, все это, особенно если представляется в ярком свете его протекшей жизни производит глубокое впечатление...

То, что я написал, отзывается похвалой, но если и похвала, то оставайся она: Мегемет-Али, любопытный ко всему, что пишут о нем, не узнает этого: увы, для него сокрыт свет понимания!.. Притом же, я пишу, что чувствую, и с таким же беспристрастием буду описывать дурное, которого, конечно, довольно увижу на пути своем.

¹ Her. CXXIV, CXXVI.

Как не приятно было в Каире, но экспедиция горою лежала у меня на плечах: надо было торопиться; почтенный Клот-бей, Хозрев-бей и некоторые другие помогали мне деятельно в сборах, и через десять дней все было готово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.